

И.И. ТИХОМИРОВА,
доцент Санкт-Петербургского университета культуры и искусств

ВИКТОР ОСТРОГОРСКИЙ КАК ТЕОРЕТИК И МЕТОДИСТ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Сейчас, когда Россия переживает кризис детского чтения и специалисты ищут пути возрождения интереса к книге, возникает повышенный интерес к организации семейного чтения. В создавшихся условиях именно на семью возлагаются наибольшие надежды по спасению чтения детей. Встает вопрос о подготовке родителей к этому виду деятельности.

В контексте названной проблемы, я думаю, будет полезно воскресить в памяти крупного педагога последней трети XIX столетия **Виктора Петровича Острогорского**¹, внесшего большой вклад в дело развития семейного чтения в России и подготовку родителей к участию в литературном образовании школьников.

Литературное образование он считал краеугольным камнем гуманного развития человека, без которого всякое другое образование обесценивается.

В чтении великих образцов литературных произведений он видел могущественное средство, при помощи которого юноша приобретает связь с родиной и человечеством и «забирает с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в годы сурового мужества, добрые стремления», поддерживающие и предохраняющие человека от измельчания и опошления.

¹Острогорский В.П. (1840—1902) — педагог, литератор, общественный деятель, редактор журналов «Детское чтение» и «Воспитание и обучение». Преподавал словесность, историю русской и всеобщей литературы, читал курс выразительного чтения в учебных заведениях С.-Петербурга. Первым в России разработал методику организации эмоционально-образного восприятия литературы.

Острогорским написано около 20 книг на тему литературного образования и развития детей, большинство которых он адресовал не только учителю-словеснику, но и родителям. А книгу «**Письма об эстетическом воспитании**» (1894) он целиком посвятил русским матерям, взявшим на себя домашнее чтение ребенка.

Организации чтения детей в семье Острогорский придавал первостепенное значение.

Одной из причин его повышенного внимания к этой сфере было плачевное состояние литературного образования в России того времени, что очень напоминает нам сегодняшний день.

«Едва ли заподозрит меня кто-нибудь в пессимизме, если скажу, что легкомыслие и невежество, даже в собственной своей литературе, в нашем обществе поразительное. Читают чрезвычайно мало или всякий вздор, и требования в библиотеках и читальнях на сочинения классических писателей наших, а тем более иностранных, не превышает цифр самых скромных».

Вывод автора не был голословным. В подтверждение его он привел множество примеров, когда «патентованно-образованные» люди не знают имен русских писателей-классиков, а о Пушкине судят «вкривь и вкось». Отсюда исходят сетования о том, что падает в России грамотность, что «мы теряем способность говорить, читать и писать». В письмах матерям об эстетическом воспитании (первоначально они печатались в журнале «Вестник воспитания», а позже составили отдельную книгу) он говорил не только о значении литературного воспитания детей.

Острогорский считал нужным рассказать родителям горькую правду о том, что происходит в школе на уроках словесности и как обстоит дело с литературным образованием подрастающего поколения в целом.

В первом же письме он обрисовал удручающую картину формализма в изучении литературы, указал на рутину разбора произведений. **В то же время он рассказал, что за свои тридцать лет учительской практики он мог бы насчитать сотни всяких заседаний и во всех ведомствах, посвященных этому предмету. Однако в поле зрения этих заседаний редко шел разговор о живом деле преподавания литературы в школе. Вперед всегда выдвигалась**

грамматика, словно первое дело учащихся состоит в усвоении формального языкознания. Что же касалось вопросов выразительного чтения, важности внеклассного чтения, использования критических статей, приучения к чтению вообще, то эти вопросы, если и поднимались, то, как говорил Острогорский, «заминались, смазывались, как что-то шекотливое, нежелательное, или признавалось утопическим, недостижимым». Но дело не только в пустых заседаниях. Главное дело – в программах литературного образования и учителях. Именно они, как он говорил, «задают тон и вынуждают волей-неволей тратить время на занятия совершенно ненужные». (Не о сегодняшнем ли состоянии литературного образования школьников, которое выводится из состава обязательных, рассказал нам сто лет назад этот знаменитый педагог-словесник?)

Раскрывая глаза родителей на реальное положение дела с преподаванием литературы в школе, Острогорский в то же время поведал им об имеющемся богатстве педагогической литературы, связанной с детским чтением, которая делает свое доброе дело независимо от школы. Среди вопросов, хорошо разработанных в педагогике чтения, Острогорский назвал вопрос о выразительном чтении, выборе книг для внеклассного чтения, о воспитательном значении классики. Среди авторов лучших трудов на эти темы, выдержавших много изданий, он назвал **Скопина, Водовозова, Стоюнина**, подчеркнув, что официальные школьные программы труды этих педагогов игнорировали. (Было бы очень полезно и нынче рассказать родителям о пособиях, поднимающих престиж чтения и предлагающих методику, способную возбудить интерес к произведениям великих писателей.)

Называя родителям учеников причины губительного положения литературного образования, Острогорский указывает еще на одну: неподготовленность родителей к восполнению в домашних условиях его пробелов. Он был уверен, что при педагогической неграмотности родителей семейное чтение не даст положительных результатов. В этой связи Острогорский берет на себя **помощь родителям**. Его книги как раз и были нацелены на организацию в домашних условиях воспитания детей средствами чтения лучших художественных произведений.

Особую роль в этом деле он отводит матери как первой воспитательнице своих детей.

«Как бы ни был хорош отец и как бы разумен брак ни был, – говорил он, – я все-таки утверждаю, что в домашнем воспитании в детях благородного эстетического настроения первая и главная роль всегда будет принадлежать именно матери».

Секрет, дающий в руки матери могущественное воспитательное средство, Острогорский видел в понимании женщиной сокровенного смысла жизни, родоначальницей которой она сама является. Издание писем, как указывает автор в предисловии, вызвано желанием возбудить у матерей интерес к вопросам литературного воспитания детей, которое закладывается и развивается именно в семье. Как реагировали женщины на эти письма, можно судить по ответу одной из них, опубликованному в этой же книге. **Вот отрывок из него: «Письма ваши, после стольких лет одиноких усилий воспитать в детях моих человека, звучат мне, как голос живой, издали дошедший до меня, как привет, как созвучие человека, понимающего, желающего и могущего помочь мне».**

Второе из трех писем, содержащихся в названной книге, Острогорский посвящает духовно-нравственному воспитанию детей в семье, которое он называет «этико-эстетическим». Он видит в нем залог человеческого счастья. Счастье, по его мнению, достигается не знаниями, а гармоническим развитием всех способностей в человеке, особенно чувств и воображения.

Он объясняет матерям, почему многие выпускники школ и университетов, получившие разносторонние знания и подготовленные к практической деятельности, чувствуют себя одиночками, не имеющими призвания, почему они не умеют сойтись с людьми, почему они глубоко несчастны. Причины этого состояния Острогорский видит в неразвитости души: **«Недостает им общего внутреннего настроения, той любви к миру, к человеку, того живого интереса к жизни, связи с ней, без которого нет удовлетворенности в труде, могущей вести человека вперед и вперед».**

И здесь он останавливает внимание женщин на роли чтения художественной литературы. Он объясняет женщинам, что духовное здоровье зависит от многих причин: и исторических, и экономических, и иных, — но бесспорным, из чего складывается характер человека, что направляет и укрепляет его волю, является способность находить наслаждение в восприятии художественной литературы как искусства слова. Те, для кого искусство — мертвая буква, не могут быть счастливыми.

Говоря о роли литературы, Острогорский особо останавливается на художественном наслаждении, при котором возбуждаются все душевные способности: ум, проникающий в смысл жизни, чувства любви к человеку, воображение и фантазия, и сама воля, в смысле желаний, порывов, стремлений. «Все духовное существо наше, — говорит он, — становится посредством такого наслаждения как бы просветленное, выше, чище. Открывается более широкий взгляд на весь мир и человеческую жизнь. Обостряется чутье к правде и лжи, вечному и случайному, добру и злу — всему, что действует на сердце».

Потребность в возвышении души во многом является следствием воспитания. Такое воспитание делает для человека жизнь интересной, открывая в ней такие ценности, о существовании которых он, может быть, и не подозревал. Это все вместе взятое и создает в человеке духовный мир.

Но как же воспитывать в детях привычку к высоким стремлениям?

Учитывая, что духовная жизнь в человеке начинается очень рано, и обрывки воспоминаний обстановки, лиц и даже событий иногда сохраняются с младенчества и оставляют след на всю жизнь, то начинать воспитание надо с рождения и поддерживать его все школьные годы.

В это воспитание Острогорский включает взаимоотношение ребенка с природой, с музыкой, живописью, спортом, но больше всего — с книгой. «В душе ребенка важно подготовить предвкушение великого», — говорил он. Он обращает внимание на роль колыбельных песен. Тоны, ритм, мелодия, спетая

задушевно у колыбели, независимо от слов, сообщает младенцу слуховые представления, которые неизгладимо запечатлеются в его душе, развивая чутье к родным напевам.

Когда ребенок вырастает настолько, что становится способным понимать речь, тогда матери еще до обучения грамоте полезно занимать его живыми рассказами, импровизированными применительно к ребенку. Материала для этого очень много и в народных сказках и пословицах, в баснях, в хрестоматиях вроде «Родного слова» Константина Дмитриевича Ушинского и в книжках для чтения Льва Николаевича Толстого. Эти первые рассказы особенно западают в детскую душу и полагают начатки вкуса, литературного образования и, постепенно расширяя кругозор воображения, вводят ребенка в связь с человечеством.

Не менее важным Острогорский считал в раннем детстве слышать выразительное чтение стихов лучших поэтов, даже если ребенок не все в них понимает. Обладая большой памятью, дети охотно и очень скоро их запоминают. И, привыкая к ритму, рифме, красивому обороту речи, образу, незаметно, сызмальства, обогащают собственную речь, развивают вкус и любовь к поэзии.

Что именно читать, какие книги в этом отношении наиболее воспитательны? Острогорский отсылает родителей к мотивированным указаниям в прекрасных, как он считал, трудах харьковской учительницы Христианы Даниловны Алчевской «Что читать народу».

Указывая родителям, что читать детям и откуда черпать эти сведения, Острогорский предупреждал их, что никакие книги не дадут ребенку и юноше того, что составит залог его мира с самим собой, если в семье царит атмосфера раздора.

«Дом, в котором только приобретают, всем дело только до себя, без всякой нравственной связи между членами семьи и обществом — такой дом не даст детям духовного развития, хоть накупи им кучу книг». Чтобы быть гуманным и стремиться к идеалу, надо, чтобы с малых лет ребенок видел положи-

тельные примеры не только в книжке, но и в жизни, на ближайших к ребенку людях, его родителях, в их теплых отношениях между собой и другими. Если этого ребенок не видит, то искусство останется для него навсегда лишь украшением его особы в обществе или для составления карьеры.

Начав говорить о взаимоотношениях в семье, Острогорский указывал на необходимость самообразования родителей в области искусства. В этой связи он называл им конкретные издания, содержащие репродукции картин, книги о музыкантах и великих людях страны, доступные даже малообеспеченным семьям. Особую роль он отводил поэзии, которую считал могучим средством развития языка, вкуса, любви к природе и к человеку. Только надо уметь их выбрать и уметь читать. Среди великих поэтов он рекомендовал стихи Пушкина, Лермонтова, Байрона и других. Каждой матери он считал нужным познакомиться с книгой В.Покровского «Поэзия как главный фактор эстетического развития (М., 1885).

Чтобы женщина могла облагораживать всю семью, в ней должно быть заложено понимание поэзии жизни. На этом Острогорский останавливается в своих письмах матерям наиболее подробно. Поэзия жизни, как он ее определял, заключается в том познании внутреннего смысла, который открывает человек в природе, ее явлениях, в человеческом существовании и вообще в людях, в их поступках и действиях, как бы малы они ни были.

И природа, и все явления жизни сами по себе немы. Их смысл, их сущность схватывают своим гением художники, поэты и своими произведениями дают познать их всем на конкретных примерах, образцах и своем душевном их освещении. Пушкин показал старушку-няню Татьяны со всей простотой и любовью незлобивой души; Гоголь осмыслил даже такую жизнь, как жизнь чиновника Акакия Акакиевича. Этот смысл может открывать каждый в себе и окружающем мире. Но огромное большинство людей, по наблюдениям Острогорского, живет без всякой оглядки на себя и окружающих — бессмысленно и пассивно. Такие люди, как Чичиковы, живут, думая только о приобретении, о своих физических потребностях. Но есть другие натуры, одаренные способностью открывать, по-

добно художникам, поэзию жизни, внутренний смысл там, где эта жизнь для других не имеет никакого значения. Такими натурами, говорит педагог, и должны быть наши матери — великая поднимающая человека сила.

Важно для этого не только то, чтобы мать прочитала многих великих поэтов, русских и иностранных, важно еще то, чтобы она всем сердцем прониклась в образы, созданные гениями, чтобы, читая, она была способна радоваться их радостями, скорбеть их печалью, ужасаться преступлениями, негодовать и смеяться над их пороками и заблуждениями, восторгаться высокими поступками вымышленных героев. Мало того, женщина должна уметь применить это высокое и отыскать его в обыденной жизни. Все Андромахи, Антигоны, Корделии, Дон-Кихоты — не пустые прихоти фантазии, а действительные, но только преображенные творчеством люди. Они должны пробуждать добрые желания и стремления, направлять волю юного читателя, чтобы, глядя на них, он мог:

*Себе героя выбрать образцом,
Чтоб вслед за ним прокладывать к Олимпу
Тяжелый путь ... (Гёте)*

Только если так действует искусство — только тогда это искусство сослужит матери великую службу в воспитании своего ребенка. Как бы ни были печальны окружающие условия жизни, какой бы тяжелый момент исторического развития общество ни переживало, все-таки в семье и только в семье зарождается и первоначально воспитывается будущий член общества, и на обязанности матери, прежде всего, лежит воспитание своего ребенка. **Среди окружающего мрака женщина, несущая ребенку добро и правду, остается для него светочем на всю жизнь. В общество тем самым она вносит облагораживание и очеловечение нравов.** Это убеждение замечательного педагога было бы спасительным и для матерей наших дней, если донести его до их осознания. Знаменательна и его следующая мысль. При дружеских, доверчивых, откровенных отношениях между детьми и их родителями не так опасно и растлевающее влияние времени и плохих книг: домашнее чтение может быть урегулировано так, что при развитии вкуса дурную книгу едва ли дети предпочтут хорошей.

Итак, в «Письмах об эстетическом воспитании», обращенных к матерям России, Острогорский показал, что литературное образование — это не роскошь, созданная непрактичными мечтателями, а дело действительно необходимое. И начинать его надо в семье, а значит, — с подготовки родителей. В письмах автор, хотя и коснулся вопроса, что читать детям дома, и отослал родителей к труду Алчевской, подробно на эту тему он не распространялся. Эту задачу он поставил в другой своей книге, которую назвал **«Русские писатели как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми» (1879)**. В этой книге он рассмотрел произведения русских авторов со стороны их пригодности и важности для всякого, кому приходится читать с детьми и беседовать о прочитанном. В каждом из писателей, среди которых Кольцов, Крылов, Пушкин, Жуковский, Гоголь, Лермонтов и другие (всего более 20), он выбирает то, что, с одной стороны, доступно детям по языку и содержанию, а с другой — несет детям добрые мысли, чувства и образы. На этих произведениях ребенок приучается «честно мыслить и чувствовать сам, исходя из честных мыслей и чувств лучших людей родины».

Так, в чтении Пушкина он обращает внимание на его гуманное отношение к действительности, может быть, иногда ускользающее от внимания читателя при изучении того или иного стихотворения в отдельности. Чтобы Пушкин ни описывал, о чем бы ни говорил, в его словах видится любовь к природе, людям и жизни в целом. Говоря об этом, Острогорский приводит примеры стихотворений Пушкина или отрывков из них. Так он поступает и по отношению к другим писателям и поэтам. Из Лермонтова он выбирает «Казачью колыбельную песню», «Дубовый листок», «Пленный рыцарь», «Завещание» «Умиравший гладиатор», «Три пальмы», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Он подсказывает родителям, на что обратить внимание, с чем сравнить, о чем напомнить. Он выбирает из взрослой литературы то, что может вызвать образ, тронуть сердце юноши и возбудить мысль. Автор выступал против отношения к чтению великих книг как к досугу, как праздному проведению времени, что часто наблюдается нами в настоящее

время. Думая сегодня о том, чтоб дети «лишь бы читали», мы все чаще относим чтение ребенка, выходящее за рамки учебы, к досуговому занятию — занятию для отдыха, развлечения, для бездумного времяпрепровождения. К такому прикладному отношению к чтению — с одной стороны лишь как к учебе, с другой — как к отдыху, мы и приучаем в большинстве случаев своих детей в наши дни.

Говоря о воспитательном значении того или иного писателя, Виктор Острогорский предупреждал родителей о бесполезности выискивания в произведении голой морали. Он полагал: «Морали эти, как бы ясно и просто они ни выражались, легко ускользают из детской памяти, в которой остается один, паразитивший воображение, образ». Образ — вот что он ставит во главу угла воспитания детей средствами художественной литературы. В этой связи в поле его зрения на первом месте оказывается русская классическая литература — образец мышления в образах. И еще одно соображение руководило им, когда он предлагал читать великие произведения. Понимая воспитание как «подготовка» к исполнению деятельности для блага людей, которое он назвал «жизнью недаром», Острогорский считал необходимым давать детям нечто прочное, основательное, что никогда не стареет и научает читателя уважать высшие стремления человеческого духа. Такими как раз и являются произведения, созданные творчеством классиков.

«Возьмите любую биографию великого писателя, государственного деятеля, словом, кого угодно, чье имя с уважением произносит историк, — где почерпнул этот человек в своей юности, среди бедности и грязи окружающей среды, свои силы, свои идеалы для будущей деятельности? — спрашивает Острогорский. И сам же отвечает: «Из Евангелия, из произведений великих писателей разных веков и народов». И тут же добавляет: «Мы не знаем ни одного человека, которого испортило бы в детстве чтение классических писателей, но зато скольких укрепило оно для жизни, показав впереди цели благородные, скольких отвратило от пороков среды!» Подобные произведения, хотя и представляют иногда людей отдаленных исторических эпох, чуждых современной внешности, но зато представляют этих людей, как говорил педагог, с общими, вечными атрибутами человеческой природы.

Большой популярностью среди учителей и родителей пользовалась еще одна книга выдающегося педагога, выдержавшая несколько изданий при его жизни и после смерти. Последнее издание, как значится в каталоге РНБ, вышло в 1964 году. Это книга **«Выразительное чтение»**. Если в предыдущих книгах акцент был сделан на вопросах *зачем читать, что читать, на что обращать внимание*, то в этой книге речь шла о том, *как читать* детям. И здесь он выступил поборником выразительного чтения как условия полноценного восприятия и воспроизведения читаемого художественного творения, ориентированного на слушателей. При этом термин «выразительное чтение» он относил как к взрослым, так и к детям. Он выделял три слагаемых выразительного чтения: постановка голоса, дыхание и произношение. В постановке голоса он обращал внимание на силу звука (громко-тихо), на гибкость и мягкость голоса, на оттенки речи и разнообразие тонов. В дыхании чтеца он видел главное в умении запасаться воздухом и выдыхать, чтобы не нарушать общей музыкальности и задушевности чтения. Основным в произношении было для него — отчетливость и неторопливость, умение отделять звуки один от другого, соблюдать паузы, расставлять логические ударения, т.е. повышать голос на словах, которым хотят придать особое значение, замедлять или убыстрять речь, усиливать или понижать голос. Все это не механические навыки, а условие передачи оттенков мысли и чувства автора или персонажа произведения. Выразительное чтение Острогорский считал не роскошью, не праздной мечтой, а необходимостью, вызванной задачей увлечь слушателей чтением. Чтобы формирование выразительности устного воспроизведения текста было эффективным, должно быть соблюдено следующее методическое условие: работа должна вестись в двух взаимосвязанных направлениях — работа над средствами выразительности и работа над восприятием произведения. Надо сказать, что в системе руководства чтением детей выразительному чтению в конце XIX и в первые десятилетия XX века уделялось значительно больше внимания, чем сейчас. Это видно по учебнику **«Руководство чтением детей в библиотеке»**. Если в первом издании (1959 год) ему было уделено довольно значительное место, то в последующих (1964 и 1973 гг.) разговор о

нем заметно сократился. А в учебнике 1992 года выразительное чтение как педагогический метод удостоен лишь упоминания. Не уделяется ему нынче должного внимания и в библиотеке. При подготовке детей к участию в конкурсе чтецов чаще всего обращают внимание лишь на громкость и отчетливость произношения. Не ставится выразительное чтение во главу угла и в том случае, когда библиотекаря приходится читать детям вслух.

Чтобы представить целостную систему организации семейного чтения, разработанную Острогорским, необходимо сказать еще о его книге **«Руководство к чтению поэтических произведений»**, пятое издание которой вышло в 1911 году, что говорит о ее популярности и востребованности. В ней методист обосновал направленность вопросов для бесед с детьми в целях развития сознательного и критического отношения детей к прочитанному произведению. В этой книге содержится указание, подтвержденное массой примеров, как вести разговор с ребенком или юношей о художественном произведении, какие вопросы целесообразно ставить и обсуждать. Своими вопросами к великим образцам литературы он стремился не только возбудить в читателе известные впечатления от прочитанного, но и укрепить способность мыслительную, ввести произведение в сознание читателя, осмыслить его в частях и в целом, чтобы произведение внесло в душу читателя целый мир новых чувств и мыслей. Часть вопросов он предлагал осведомительного характера: известен ли читателю этот автор, читал ли он его раньше. В разнообразии вопросов автор выделил группу, направленную на связь книги с личным опытом читателя. Например: «Не напомнило ли произведение кого-либо из знакомых людей или героев других книг? В чем их сходство и различие? Есть вопросы, стимулирующие воображение: «Что, по вашему предположению, случилось до начала произведения или что может произойти после?» Не обошел вниманием Острогорский и вопросы, связанные с чувствами читателя: «Какие события или эпизоды книги произвели самое сильное впечатление?» и т.п.

Ставя тот или иной вопрос, автор разъясняет, какими соображениями он руководствовался, предлагая его читателю.

Причины постановки тех или иных вопросов определялись не только содержанием художественного произведения, но и нравственными целями. Педагог стремился, чтобы при чтении художественных произведений читатели задумывались о самих себе, «чтобы с лицами, созданными поэтом, сравнивали себя самих, чтобы, взвешивая их дурные и хорошие планы, учились обдумывать и выполнять свои». Предполагая, что поток жизни способен сделать человека малодушным, лживым, пошлым, Острогорский считал необходимым дать в руки воспитателя путеводную нить, которая связала бы человека с возвышенным, содержащимся в великих книгах.

Методическая система семейного чтения, разработанная замечательным педагогом, на опыте которого училась читать и духовно развиваться вся Россия, сегодня нуждается в возрождении. Воспитательный потенциал лучших произведений художественной литературы должен работать в семье. Семья более, чем кто-либо другой, заинтересована в воспитании своих детей. Не случайно по данным исследования Нижегородской областной детской библиотеки, проведенного в 2007 году, около половины родителей приобретают детские книги с целью воспитания. Но как его осуществить, мало кто из них знает.

В советский период традиции литературного развития детей, в том числе в условиях семьи, заложенные Острогорским, активно поддерживались и развивались. Назову лишь некоторых специалистов, развивающих это направление: библиографы Л.А. Виролайнен и Л.А. Ольшевская (РНБ), О.Ф. Хузе (Ленинградский Дом детской книги), Н.Ф. Новичкова из Челябинского института культуры, создавшая целую научную школу в области педагогики детского чтения. К этим именам надо присоединить методиста и теоретика руководства детским чтением, первого создателя учебника под таким названием Н.Н. Житомирову, руководившую многие годы кафедрой детской литературы ЛГИК. Ей принадлежит методическое пособие «Книга в семье» — одно из первых, созданных на эту тему в советское время. Тем же путем, намеченным Острогорским, шла Л.И. Беленькая (ГБЛ), оставив в наследство уникальное исследование восприятия детьми художественных произведений «Ребенок и книга». Направление, которым дви-

гальса педагогическая мысль В.Острогорского, ныне осваивает и развивает И.Н. Тимофеева (РНБ), соединившая в своем лице теоретика, методиста и библиографа. Ее книга «Что читать вашим детям от года до десяти» является настольной для многих тысяч родителей России. Продолжает в настоящее время традиции, начатые Острогорским, созданный усилиями Русской школьной библиотечной ассоциации журнал «Семейное чтение». Молодым библиотекарям, чтобы быть полезными родителям, надлежит этот опыт освоить. А, освоив, идти дальше.